

Михаил Серегин

Несвятое семейство

Михаил Георгиевич Серегин

Несвятое семейство

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167325
М. Серегин Танец гюрзы: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-006452-7*

Аннотация

Повесть входит в сборник «Танец гюрзы»

Содержание

Пролог памяти	4
Глава 1	18
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Серегин

Несвятое семейство

Пролог памяти

Владимир Свиридов часто вспоминал обстоятельства, которые свели его с неповторимой и неподражаемой Алисой Смоленцевой.

Он всегда считал, что за всю свою жизнь проигрывал только дважды: первый раз – судьбе, отправившей его на свалку жизни после того, как в девяносто пятом его «ушли» в отставку из спецназа ГРУ после ранения. И ему пришлось все начинать с нуля, с чистого листа.

И второй раз – он проиграл госпоже Смоленцевой. Алисе. Альке. Которую он не захотел понять до конца.

Как не хотят заглянуть в затянутое мутной зеленью зеркало тихого омута, боясь, что закружится голова, неотвратимо притянут чьи-то глаза в слепой глубине и ты уйдешь туда без права возвратиться и раскаяться в своей роковой ошибке...

Все началось холодным сентябрьским вечером в угрюмой и неласковой Москве девяносто третьего. Да, той самой осенью, когда в столицу снова, как в незабвенные августовские дни девяносто первого, ввели танки.

...Владимир помнит тот прохладный осенний вечер, порывы рваного ветра, мечущегося между стволами вязов в старом парке, по которому медленно шел он – молодой человек лет двадцати восьми, с умным тонким лицом интеллигента в десятом поколении и большими, необычайно красивого разреза глазами. В этих умных и равнодушных глазах светилось спокойное, отстраненное довольство окружающим миром.

Несмотря на то что своей осанкой, внешностью и походкой, артистически мягкой, гибкой и элегантной, этот человек выделялся на фоне снующих по аллеям людей – судя по их многочисленности, все они возвращались с работы, – на него никто не обращал внимания.

Он не спеша шел по дорожке, а пальцы – длинные тонкие пальцы профессионального музыканта – сжимали ручку черного футляра для скрипки.

Ветер прихотливо трепал его волнистые темные волосы, и время от времени молодой человек поправлял ниспадающую на лоб прядь легким движением руки.

Он преодолел длинную аллею в красно-желтых водоворотах опавших листьев и вошел в подъезд желтого пятиэтажного дома, расположенного возле парковой ограды. Поднялся на третий этаж и, подойдя к внушительной железной двери с номером 21, окинул ее пристальным взглядом сузившихся от напряжения глаз. Коротко звякнув металлом в кармане невзрачного серого полуплаща, он извлек связку отмычек.

...Нет, это был не классический набор примитивных отмычек, которым пользуются заурядные воры-домушники. Отмычки, замелькавшие в руках интеллигентного молодого человека со скрипкой, представляли собой чудеса творческой мысли конструкторских бюро ФСБ и ГРУ. Человек, в совершенстве умеющий пользоваться этими инструментами, мог за минуту открыть металлическую дверь с фактически любой сигнализацией и степенями защиты.

Впрочем, тот, кто сейчас манипулировал отмычками, умело открывая замысловатые замки и блокираторы, мог вскрыть почти любую квартиру или машину при помощи отвертки, гвоздя и молотка.

Не говоря уж о гидравлическом домкрате. Который, кстати, вовсе не такая невообразимая неподъемная махина, каким его себе представляют многие. Он легко собирается из легких алюминиевых трубок.

Молодому человеку со скрипкой потребовалась лишь одна минута, чтобы открыть дверь, на которую наверняка были написаны тома гарантийных свидетельств о полнейшей ее надежности и неприступности.

Он проскользнул в темную прихожую, не зажигая света, тщательно вытер подошвы ботинок о половичок и прошел в комнаты.

Окна гостиной выходили на парк. Из них прекрасно просматривались подходы к подъезду, в который двумя минутами раньше вошел молодой человек со скрипкой.

Он бросил пристальный взгляд вниз, туда, куда только что подъехала черная «Ауди» и вышедший из нее плотный здоровяк почтительно распахнул заднюю дверь и подал руку сначала пожилому лысеющему мужчине с хищным ястребиным носом, а потом средних лет невысокой женщине в дорогом стильном пальто, модной шляпке, с миловидным капризным лицом и порывистыми движениями.

Молодой человек уложил футляр скрипки на подоконник и открыл его...

Но там была вовсе не скрипка.

В футляре лежали части дальнобойной винтовки с оптическим прицелом и глушителем, а также пистолет «беретта». С уже навинченным глушителем и заправленной обоймой.

Именно он и оказался в артистической руке с тонкими пальцами профессионального музыканта...

– А где Алька? Она сказала, во сколько сегодня придет домой?

– Она сказала, что задержится у подруги, Владимир Казимирович. Если останется переночевать, то позвонит.

– Бардзо добже, Артур. Ты свободен.

И мужчина с ястребиным носом сделал неопределенный жест рукой, который, вероятно, должен был обозначать, что сегодняшний рабочий день его шофера закончен.

Тот сдержанно, но в то же самое время предельно почтительно кивнул и исчез во мраке лестничного пролета.

– Ты не боишься, Володя, что она попала в дурную компанию? – произнесла женщина, не переставая при этих, в общем-то очень естественных в устах всякой матери, словах капризно кривить губы.

Мужчина досадливо поморщился и, набрав четырехзначный цифровой код, вставил ключ в замочную скважину.

– Что же ты молчишь? – не отставала супруга.

– Да ладно тебе, Маринка, – отмахнулся мужчина, – гонишь тут не по делу. Она нормальная девка. А что ты хотела... чтобы она в восемнадцать лет сидела дома и никуда не выходила? Вот тогда надо было бы беспокоиться, а сейчас, по-моему, все совершенно в норме.

– Вот ты так всегда, Владимир Казимирович, – перешла на сухой официоз Марина. – Стоит тебе сказать о дочери, так ты тут же строишь из себя беззаботного бодрячка и начинаешь петь песенку «Все хорошо, прекрасная маркиза».

Владимир Казимирович, которому свирепые демарши супруги, по всей видимости, были не в диковинку, пробурчал под нос что-то сдавленно-неодобрительное и открыл дверь.

Щелкнул выключатель, и Владимир Казимирович машинально прикрыл рукой глаза. Когда же он рискнул отнять ладонь от лица и приоткрыть зажмуренные глаза, то увидел перед собой молодого человека очень приятной наружности, стоящего в дверях гостиной и со сдержанным любопытством рассматривающего Марину, снимающую обувь.

– Вы... вы кто такой? – наконец выдавил Владимир Казимирович.

мирович, и его хриплые слова совпали с коротким захлебывающимся криком Марины:

– Вы что... с Алисой, да? Она уже домой начала водить...

– Вы Владимир Казимирович Бжезинский? – спокойно спросил молодой человек, не обратив ни малейшего внимания на несносную даму.

– Да, но...

– Можете больше ничего не говорить. Мне очень жаль.

Владимир Казимирович не успел даже испугаться, настолько приятное и успокаивающее впечатление производил этот неожиданный гость – несмотря даже на известного рода щекотливость ситуации, – как из-за спины молодого человека с завораживающей, неуловимой для глаза обычного человека быстротой вынырнула рука с зажатым в ней пистолетом.

Марина перекосила рот в беззвучном крике, увидев, как окаменел ее муж, на лбу которого нелепой и жуткой кляксой возник кровавый росчерк пули, – но увидеть, как он сполз по двери на пол, ей уже было не дано. Холодный взгляд киллера упал на парализованную страхом женщину, и тут же его мозг четко продиктовал единственно возможное решение: никаких свидетелей.

Он перевел на нее дуло пистолета и дважды выстрелил в перекошенное ужасом лицо, а когда она упала, хладнокровно произвел еще два – контрольных – выстрела, направленных в голову Владимира Казимировича Бжезинского и его супруги Марины Алексеевны Смоленцевой.

Это было двадцать девятое сентября девяносто третьего года. На следующий день Владимиру Свиридову, элитному офицеру спецназа ГРУ, с таким беспощадным профессионализмом исполнившему заказ госструктур, исполнилось двадцать семь лет.

Только двадцать семь.

Количество людей, которых к тому времени отправил на тот свет Владимир Свиридов, исчислялось несравненно большим числом.

...В последнее время он все чаще засиживался допоздна наедине с самим собой в самых дорогих элитных ночных заведениях Москвы (благо деньги, перечисляемые ему за отработку заказов, вполне позволяли жить на широкую ногу – с известной долей здоровой сдержанности, разумеется) и думал о своей роли в этой жизни. О страшной роли чистильщика, палача, волка криминальной России, который призван уничтожать зло.

Бесспорно, он, офицер ГРУ, обученный и вышколенный по недостижимо высоким стандартам, обязан был выполнять все приказы своего начальства и лично начальника спецотдела «Капелла» полковника Платонова. Степень мотивированности этих приказов всегда оставалась для него, исполнителя, ненужным звеном в классической цепочке Заказчик – Организатор – Исполнитель.

Организатором являлся полковник Платонов. Исполните-

лями – они, четырнадцать офицеров спецназа ГРУ из особого отдела «Капелла», переориентированных с внешних приоритетов противостояния на внутренние. Враг был обозначен предельно четко: буйно расцветшая преступность, тесно смыкающаяся с максимально криминализированным бизнесом и властными структурами.

Заказчиком же во всех случаях являлось государство.

...Свиридов сидел за столиком в полном одиночестве и неотрывно смотрел на неотвратимо – раз за разом – пустеющий бокал. Иногда он косился на застывшее где-то там, в полумраке стенной ниши, металлически поблескивающее зеркало: оттуда в отсветах трех свечей мрачно наплывало застывшее суровое лицо с чеканным профилем, четко очерченными губами и властным подбородком... Слепая, замкнувшаяся сама на себе сосредоточенность, упирающаяся в обреченность, придавала этому молодому лицу выражение, присущее только очень опытным, много и горько пожившим людям.

«Тоже мне – страдания юного Вертера... Если бы меня видел полковник Платонов, меня немедленно отчислили бы из „Капеллы“ (а отчисление из „Капеллы“ осуществлялось только одним путем – нажатием на спусковой крючок)», – мелькала в голове Владимира заблудившаяся стылая мысль. Нарастающий с каждым последующим бокалом шум в ушах не давал отойти от мрачных размышлений и переключиться, ну, скажем, на созерцание сидящей через столик еще совсем

молоденькой девушки.

На созерцание с последующим приятным знакомством...

Допив бокал, Свиридов посмотрел на девушку: нельзя же, в самом деле, строить из себя эдакого Спинозу, озабоченного высокоморальными изысками смысла жизни. Ведь ему только двадцать семь. Только двадцать семь.

Поднявшись, он преодолел разделяющее их расстояние, присел за ее столик и тихо произнес:

– Я вижу, у вас такое же человеконенавистническое настроение, как и у меня. Давайте лучше ненавидеть друг друга, чем весь мир сразу.

Девушка вскинула на него большие темные глаза, и Владимир увидел, что она в самом деле еще очень молода – не больше восемнадцати лет. Но в глазах девушки тлела вековая боль.

– А я и не ненавижу весь мир, – ответила она. – Это для истеричных тинейджеров... Много чести его ненавидеть. Вы, наверно, выпили немного больше, чем следовало бы. А у вас что, сегодня день рождения?

– Как это вы догадались?

– Просто я ненавижу свой собственный день рождения. И когда в этот день ко мне приходит куча гостей с еще большей кучей подарков и начинает говорить всякие глупости о моем цветущем виде и в высшей степени замечательной фигуре... так вот, на моем лице появляется такое же выражение, как вот сейчас было на вашем.

Свиридов улыбнулся.

– Почему-то многие люди, напротив, любят свой день рождения, – произнес он. – Честно говоря, думал, что я один такой урод, который терпеть не может ощущать себя именинником.

Девушка подняла брови:

– Урод? По-моему, вы вовсе не урод. Вы, между прочим, самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела...

– С вами что-то случилось? – почти перебил ее Свиридов, которого такая откровенная категоричность – без примеси глупо-загадочного мямлящего кокетства, которое обычно преобладает в речи красивых девиц, – взбудоражила и полоснула какой-то горькой болезненной тревогой. – Не молчите... ведь случилось, правда?

Девушка покачала головой, а потом, не сводя со Свиридова глаз, выпила бокал с ядовито-оранжевым коктейлем и наконец тихо произнесла:

– Просто вчера вечером я осталась одна. Совсем... одна. – И с беспощадной откровенностью добавила: – Вчера вечером убили моих родителей.

– А ты... что же ты?.. – машинально вырвалось у Свиридова.

– А я сбежала из дома, чтобы никогда туда больше не возвращаться. Пусть эти тетушки и дядюшки сами решат, что делать. Как организовывать похороны. Как делить наследство, наконец.

– А ты? – будто не в силах сойти с колеи одной и той же короткой фразы, спросил Владимир.

– А я не хочу сойти с ума.

...И девушка на едином дыхании рассказала ему, как пришла домой в одиннадцать утра и, открыв дверь, обнаружила буквально на пороге квартиры трупы отца и матери. Их убили хладнокровно и со знанием дела. О том, что работал профессиональный киллер, она догадалась по сакраментальным контрольным выстрелам в голову.

Прибывшая через полчаса бригада следователей и куча невесть откуда появившихся родственников и коллег по работе показали ей просто никчемным шумом и беспорядочным мельканием рук, ног и соболезующих лиц. Нельзя сказать, что она сильно любила своего эгоистичного, мало интересующегося жизнью дочери отца и страдающую истерией и самодурством мать, но все равно... это были единственные родные люди.

– Мне сказали, что их убили прямо в квартире и что человек, который сделал это, вошел туда до них, открыв дверь какими-то хитровыебанными отмычками, – медленно произнесла она. – Следак еще сказал, что, по всей видимости, работал специалист экстра-класса... видно по почерку. Как каллиграфически выверенно он расписался на лбу моего папаши! – В ее горле что-то сухо хрипнуло, словно вымученно и страшно рвались скрытые струны, и Свиридов одним движением опрокинул в рот только что принесенный официан-

том омерзительный ром.

Таких совпадений просто не может быть! Но тем не менее одно из таких несуществующих совпадений сидело в метре от Владимира. И именно он, Свиридов, уничтожил семью этой девочки с такими широко распахнутыми горькими глазами и тихим, раздавленным голосом.

Ему никогда еще не приходилось сталкиваться – вот так, лицом к лицу! – с людьми, на плечи которых он, по мановению руки неумолимого Долга, обрушил целую лавину невылазного и беспощадного горя.

Вероятно, только Достоевскому под силу описать, что может происходить в душе подобного человека в такой момент. Но глупо вообще рассуждать об этом.

– Прости, – сказал Владимир. – Наверно, мне лучше уйти. – Он попытался подняться, но она схватила его за руку и заставила сесть на место.

– Не уходи! Я даже не знаю твоего имени, но не уходи... Я не могу остаться вот так...

Свиридов на всю жизнь запомнил последовавшую за этим ночь. Они ушли из клуба в три часа ночи и пошли прямо к нему, на его служебную московскую квартиру, которую оплачивало ведомство, приговорившее к смерти Владимира Казимировича Бжезинского, отца Алисы.

...Но самое необъяснимое – это то, что между ними ничего не было. Ни взрыва страсти, до предела обостряемой несчастьем и горьким привкусом непоправимой утраты на

губах. Ни шекспировских монологов о ненависти и невозможности остаться таким, как есть, о невозможности остаться в этом мире вообще.

Они говорили о себе. О возникших на пепелище боли, с одной стороны, и невозможности говорить откровенно – с другой. Все это смахивало на какой-то совместный психоз. Это было так завораживающе, что Свиридов невольно почувствовал: он не сможет оторваться от этой девушки. Только время позволит ему сделать это. И она, Алиса, тоже чувствовала, что этот человек, которого она назвала самым красивым мужчиной в своей жизни... что он не мог встретиться просто так.

Их свело вместе то, что обозначают до слезливости банальным и до банальности слезливым: сама судьба протянула руки, чтобы пересечь их пути. Никакой любви с первого взгляда. Никакого успокоения. Просто способ увести себя от засасывающих в трясины мыслей.

А наутро, когда слепой, по-детски беспомощный серый рассвет начал неуклюже тыкаться в окна и тереться о стекла ветвями облетевших тополей, как щенок трется о ногу хозяйина... Владимир неловко коснулся губами щеки буквально рухнувшей в изматывающую усталость мертвого утреннего сна девушки и произнес:

– Ну что ж... пусть я потом буду думать, что у меня белая горячка и что я редкий дурак... Но только мне кажется, что она будет моей женой. Ничего не могу сделать по-человече-

ски.

Свиридов никогда не бросал слов – даже таких дурацких, как вышеприведенные, – на ветер: в тот же день, повинувшись какому-то непреодолимому императиву всего своего существования – перевернуть, изменить что-то в слепой и бездарной своей жизни! – они стали мужем и женой. И Алиса стала жить у Свиридова, даже не подозревая, кем является этот человек...

Пародия на плохую мелодраму. Если бы все было не так обжигающе жутко и не могло произойти на самом деле.

В конце концов, каждый человек имеет право хотя бы на одно безумство в своей жизни. Даже если этот человек – офицер элитного отдела спецслужб.

Глава 1

Старый незнакомый

– «Жил Александр-р Герцевич... еврейский музыкант... в-в-в... он Шуберта навёрчивал, как чистый бриллиант», – бормотал Афанасий Фокин, перелезая через отчаянно качающийся и пригибающийся к земле деревянный забор, которым была обнесена строительная площадка недостроенного дома. Этот забор весьма напоминал долговязого человека – такой же нескладный. Его прочность явно не соответствовала почти трехметровой высоте.

Забор зубовно стонал и натужно скрипел под массивной тушей Афанасия Сергеевича, но все-таки не падал.

Но вот когда Фокин забрался на самый его верх, всем своим видом напоминая композицию «собака на заборе», и с силой оттолкнулся от забора ногами, – несчастное ограждение не сдюжило.

Целый его пролет выворотился и, ломая стойки, рухнул на землю, а Афанасий, которого огрело-таки обломком доски по широченной спине, невольно присел от удара и головокруглительно выругался.

– Бля... понастроили тут чудеса мусорной архитектуры... – пробормотал он. – Какие-то бревна падают... этих строителей надо было послать в Грозный укрепления стро-

ить: ни один чеченец не прошел бы... свалился от восторга.

Бесспорно, Фокин перелез бы через забор таким образом, что он и не скрипнул – физическая подготовка и координация движений вполне позволили бы, – но сегодня он несколько перебрал со спиртными напитками. Кроме того, настоятельная потребность выиграть заключенное буквально полчаса назад пари... Впрочем, об этом несколько позже.

Фокин тяжело перешагнул через вздыбившийся обломок рельса, неведь кем и неизвестно зачем заплавленный в а la «коровья лепешка» толстый кусок грязного асфальта, и направился к темной громаде недостроенного дома.

Он довольно быстро забрался на самый верхний этаж дома, где были аккуратно сложены стопки красного и белого кирпича, и, почти вслепую отыскав какую-то здоровенную, перемазанную в полусохшем бетоне бочку, начал швырять в нее кирпичи. Это заняло не так уж мало времени, потому как после каждой стопки препровожденных в бочку кирпичей Афанасий Сергеевич вынимал ополовиненную бутылку водки и любовно к ней прикладывался, напевая под нос что-то наподобие: «Ну я ж пил из горлышку, с устатку и не евши... шо ж вы хотите...»

Набросав кирпичей, он привязал к бочке веревку и, перекинув ее через блок, быстро спустился по этой веревке обратно на грешную землю.

Если бы только видели его в этот момент прихожане Воздвиженского собора, в котором он вот уже два года – по ка-

кому-то совершенно невероятному, до хруста костей, выверту судьбы – обретался в сани священника со звучным именем отец Велимир!

Доверие, и без того подорванное бесчисленными появлениями Фокина на литургии в нетрезвом виде и мастерскими соращениями нескольких прихожанок с последующим образумлением их ревнивых мужей, – это доверие паствы и вовсе достигло бы критической нулевой отметки, увидь она, как и каким замысловатым образом ее духовный наставник вдохновенно ворует кирпичи со стройки.

Фокин обернул веревку вокруг мощного запястья и потянул на себя. Бочка не поддавалась. Она плотно прикипела к лесам, сцепленная с ними едва ли не двумя центнерами кирпичной поклажи.

Фокин собрался с силами и, уцепившись одной рукой за дерево, второй дернул так, что потемнело в глазах, а бочка сорвалась с лесов и пошла вниз, стремительно набирая скорость. Незадачливого отца Велимира оторвало от дерева и стремительно потащило вверх, потому как обмотанная вокруг запястья веревка, перекинутая через блок где-то там, наверху, упорно тянула наверх под действием падающего груза. И так как бочка с кирпичами была куда тяжелее Афанасия, он птицей-бабочкой взмыл к небесам, не успев даже рявкнуть сакраментального: «Балля-а-а-а-а-а!»

Где-то в районе третьего этажа траектории движения отца Велимира и расхищаемого им чужого добра пересеклись, и

тяжеленный груз чиркнул по боку Фокина, распоров куртку и рубашку, как будто то была туалетная бумага, – и Афанасий, матерно взвывая, полетел дальше.

– В-в-в... с-суки!!

Бочка ударилась о землю и, подпрыгнув, развалилась. Кирпичи вывалились из нее, масса тела зависшего где-то возле четвертого этажа Афони превзошла полегчавший груз, и в полном соответствии с законами физики осколки бочки взмыли вверх, а Фокин рухнул на пяточок земли, откуда его несколькими секундами раньше унесло в запредельные выси.

Такого испытания не выдержал даже бычий организм Афанасия – он потерял сознание.

Впрочем, так как особо терять было нечего – большую часть сознания отец Велимир оставил в близлежащем кабаке, – он пришел в себя буквально через несколько минут. Пощупав ноющий бок и ушибленное колено, убедился в том, что вроде ничего не сломано.

И тут его взгляд упал на обмотанную вокруг запястья веревку, и Фокин, облизнув с прикушенных губ кровь, головокружительно выругался.

– Ну какого херувима я намотал эту веревку? – пробурчал он, основательно облегчив душу несколькими замысловатыми синтаксическими конструкциями, и освободил руку от предательской веревки. После чего ему на голову со свистом рухнули останки обретшей свободу злополучной бочки.

Это было последней каплей. Фокин простонал что-то непотребное и шумно свалился в канаву, наполненную какой-то дурно пахнувшей жижей.

* * *

– И где этот дятел? – проговорил Владимир Свиридов, насмешливо рассматривая балансирующего перед ним на дрожащих от перепоя и пружинящих, словно в морскую качку, ногах плотного молодого парня серой мелкоуголовой наружности.

– Вв-в-в... какой дятел?

– Ну Фокин, что б его подняло да шлепнуло!

Если бы Свиридов знал, до какой плачевной буквальности его слова соответствуют всему действительно происшедшему с Фокиным, то, возможно, он и не стал употреблять пожелание именно в такой форме. Но он не имел представления о том, куда пошел отец Велимир, и уж тем более не мог догадаться, какая именно жидкость из числа содержащихся в организме ударила тому в голову и на что конкретно его подвигла.

– Ф-ф-ф... Фокин? Это типа тот здоровый, который чехлил базар, шо он типа святоша и там вроде в церкви паству дрючит?

– Вот именно.

– А он пошел на стройку.

– Это еще зачем?

– А мы с ним заключили п-пари... типа там... вощем...

– Какое там еще пари? – со сдержанной тревогой в голосе спросил Владимир.

– Н-не знаю.

– На какую стройку? – бросил Свиридов.

– Да в-вон типа... которая типа под...

– Ясно, – Владимир хлопнул неустойчивого гоблина по плечу, отчего тот малоэстетично хрюкнул и упал головой под стол. Набежавшие официанты принялись поднимать незадачливого выпивоху, а Владимир, покачав головой, поспешил к выходу из ночного клуба.

В самом деле, на какую именно стройку отправился отец Велимир, догадаться было несложно.

Потому что буквально в ста метрах от ночного клуба «Морской конек», где культурно отдыхали Свиридов и Фокин с товарищами, находилась стройка элитного жилкооператива. И, учитывая, что двигательные способности пресвятого отца Велимира сложно было признать в тот момент удовлетворительными, дальше чем до нее он едва бы дошел.

Свиридов добрался до стройки за какую-то минуту и, легко перемахнув через забор, уже сломанный каким-то ретивым радетелем, наклонился и рассмотрел четко отпечатавшиеся на влажной рыхлой земле следы. Совсем свежие и просто-таки огромные следы. Сложно предположить, что в этот поздний час сюда могло забрести сразу два человека та-

кой богатырской комплекции – с широченными шагами и геркулесовой ступней.

Несомненно, следы принадлежали отцу Велимиру.

Свиридов прошел по следу и наткнулся на груды кирпичей. Судя по тому, что многие из них были банальным образом расколоты, несложно было предположить, что их сгружали сюда каким-то особенно варварским способом.

В этот момент за спиной Владимира что-то сдавленно булькнуло, и он, обернувшись, увидел Фокина, который пытался выкарабкаться из какой-то чудовищной ямы помойного типа. Пресвятой отец был с ног до головы перемазан жидкой грязью, а на лбу налипло краснокирпичное крошево – вероятно, Фокин при падении ткнулся головой в кирпичи и, чего и следовало ожидать, размолот их в порошок.

Или что-то вроде того.

– Вероятно, вот это и значит – нажраться, как свинья, – откомментировал Свиридов, протягивая Афанасию руку и помогая изрядно подмочившему одежду и репутацию горе-священнослужителю выкарабкаться из канавы. – Разве что только не хрюкаешь.

Фокин, дернув ногами, прохрипел:

– Погоди... зацепился за что-то... тяни.

Владимир напряг все силы и рванул Фокина на себя. Как бы ни был тяжел отец Велимир, от таких усилий он вылетел бы из ямы, как выдернутая огородником редиска из земли.

Но, против всех ожиданий, он только подался вверх на

каких-то десять сантиметров.

– Дедка за бабу, кошка за мышку, внучка за Жучку, тянем-потянем, вытянуть не можем, – пробурчал Свиридов. – Там какая-то особо тяжелая коряга, надо думать.

– Попробуй еще раз... а то я уже ног не чую... холодно... – сипло выдавил Фокин. – Там че-то типа как держит...

– Да попробую, конечно, что ж мне – тут тебя оставлять, что ли? – грустно усмехнулся Свиридов и, крепко сцепившись с Афанасием, потянул его так, что потемнело в глазах...

На свет божий показались облепленные грязью ноги Афанасия. Вокруг одной из них обмотался тонкий, но, очевидно, прочный канат. Прочный – это оттого, что к одному из концов каната был привязан здоровенный обломок бетонного блока – килограммов эдак на семьдесят, не меньше. Вероятно, это именно он мешал Фокину выкарабкаться.

Второй конец уходил в яму.

Свиридов настороженно взглянул на отфыркивающегося и усиленно матерящегося смиренного служителя церкви, который сдирал с ноги злополучный канат. Что-то непонятно, зачем на стройке кому-то потребовалось привязывать канат к фрагменту строительного блока.

В этот момент Фокин выдал особо аппетитную ругань и, продолжая сидеть на земле, поднял тяжеленный кусок железобетона так, как будто то был пятикилограммовый кирпич, и замахнулся, собираясь швырнуть его обратно в канаву.

– погоди! – поспешно остановил его Свиридов. – Положи его на землю.

– Поплавал бы сам в этом отстойнике, посмотрел бы я, как ты тут кудахтал бы, – проворчал отец Велимир, но кусок железобетона все-таки положил.

Свиридов тем временем взялся за канат и с силой потянул его на себя. Черная гладь всколыхнулась, нехотя разошлась тяжелыми ленивыми кругами, и с мерзким чавканьем и бульканьем, которые обычно можно услышать при наличии в доме засорившегося унитаза, на поверхность вырвалось что-то продолговатое и густо облепленное грязью.

Свиридов некоторое время посмотрел на это, а потом сказал:

– Длинновата веревка-то. Метра полтора будет. Хотя канавка, конечно, поглубже...

– Ты это о чем?

– А вот о чем, – проговорил Владимир и выволок выуженный из канавы предмет на берег.

Фокин взглянул на свиридовский «улов» и, вцепившись грязными пальцами в еще более грязную короткую бороду, проговорил:

– Так вот, значит, как... Оказывается, у меня был напарник по заплыву...

...Заляпанный грязью предмет оказался трупом высокого, атлетически сложенного мужчины. Пресловутая грязная веревка была обмотана вокруг его горла. По всей видимости,

он был убит совсем недавно, потому что тело не было обезображено гниением или отвратительным разбуханием вследствие нахождения в воде.

Свиридов пристально взгляделся в черты лица покойного и проговорил:

– У меня смутное ощущение, что я его где-то видел... По всей видимости, его не утопили... бросили в воду уже мертвым.

– А может, он просто упал в воду, типа как я... только ему не так повезло? – предположил Фокин, который, по всей видимости, не утратил остатки хмеля даже в связи с таким замечательным купанием.

– Ага... шел, зацепился шеей за веревку с куском железобетона и упал в удачно подвернувшуюся яму, – откомментировал Свиридов. И вдруг воскликнул: – Вспомнил! Вспомнил, где я видел этого парня!

– Здесь же, только где-то так позавчера? – иронично ввинтился Афанасий. – Когда мочил его... типа вот в этой воде?

– Ну и шуточки у тебя, Афоня, – махнул рукой Владимир. – Дело в том, что этот парень работал у Бжезинского... предпринимателя, которого отработал наш отдел в девяносто третьем.

– Бжезинский? – Фокин поморщился и заворочал грязным пальцем в слипшихся волосах на затылке. – Б-бжезинский? Что-то я такого не припомню. Мало мы, что ли, тогда ихнего брата почикали?

– Зато я помню, – сказал Владимир. – И вот этот парень, который валяется тут перед нами, – это Артур, шофер и личный телохранитель Бжезинского Владимира Казимировича, убитого двадцать девятого сентября девяносто третьего года в собственной квартире. Пять лет... да, прошло почти пять лет.

Фокин пристально взглянул на присевшего на корточки друга, и вопрос: «Кто именно убил упомянутого бизнесмена?» – замер на его губах, еще хранящих неприятный привкус грязной, с примесью бензина и мазута, воды из ямы, из которой выловили мертвого Артура...

* * *

– Зачем ты полез на эту стройку? – вопрошал Владимир ранним утром следующего дня Фокина, совершенно замученного чудовищным похмельем. – Зачем тебе понадобилось выкидывать эти цирковые номера?

– В-в-в... – Фокин попытался подняться с подушки, но неистово закружившуюся голову свинцово припечатало обратно, а перед глазами заметался хоровод жгучих и воющих, с алыми горчинками ада, огоньков. – Вот это колбасит... плю... плю... плющит... такого ваще никогда...

– На, испей из моего кубка, боярин, – хмуро проговорил Владимир и протянул Афанасию запотевший от холода простой граненый стакан, до краев наполненный чем-то слабо

пузырящимся и желто-лимонным, с мутной алеющей поволокой.

– А-а-а... – слабо протянул тот, – «капелловское» пойло... антипохмемельный кок... коктейль... эт-та хоррошо... м-м-м...

И, с трудом приподнявшись на подушке, отец Велимир вылил содержимое стакана в глотку и, одобрительно ухнув, снова рухнул на диван.

– Так зачем ты вообще поперся на эту стройку? – вновь спросил Владимир.

– Да что тебя это так... интересует?

– А то, что мне звонили из уголовного розыска. И менты затребовали свидетельские показания. Твои и мои. Насчет вчерашнего кордебалета на стройке. Так что, братец, давай приходи в чувство, одевайся – и курц-галопом в отделение.

– За что это? – поинтересовался Фокин, которого куда больше смутила необходимость вставать и куда-то идти, чем слова «уголовный розыск».

– А ты что, не помнишь?

– Н-нет. А что я должен помнить? – Фокин с трудом приподнялся на локте и тут же, коротко простонав, упал на спину – именно этот локоть он основательно разбил при падении. – В-в-в... бляха-муха, прохватило-то как! Мы что, вчера кого-то отметелили до полного, боже избави?

– Надеюсь, что нет. Потому что я же не могу с тобой находиться безотлучно, как при малом ребенке, так что не знаю,

что ты там без меня мог натворить. Нажрался ты вчера просто катастрофически.

– Иже еси на небеси... – обессиленно простонал отец Велимир и сделал очередную попытку подняться. Она оказалась несколько более удачной, чем предыдущая. – Грехи наши тяжкие... Ну, что там еще?

* * *

– Свиридов Владимир Антонович? – следователь пристально посмотрел на сидящего перед ним невозмутимого мужчину лет тридцати—тридцати двух и заглянул в тонкую папку. – Я хотел бы узнать, при каких обстоятельствах вы обнаружили труп гражданина Орлова Артура Евгеньевича. Конечно, сегодня ночью вы рассказали это довольно внятно, но тем не менее...

– Да, конечно, – отозвался Владимир. – Я же говорил, что вылавливал из канавы гражданина Фокина, который упал туда, находясь в нетрезвом виде.

– Ага... гражданина Фокина. А что делал на стройке гражданин Фокин?

– Он был более чем основательно пьян. Я думаю, мотивация вполне достаточная.

– Возможно. Только у меня есть к вам еще несколько вопросов, которые я не имел возможности задать вчера. – Следователь поднял на Владимира красные от бессонницы глаза

с болезненными коричневыми кругами под ними и, постучав по столу полусогнутым указательным пальцем, проговорил: – Мы обыскали покойного. Помимо документов, при нем обнаружена записная книжка. И в этой записной книжке черным по белому стоит ваш адрес и ваш телефон.

– В самом деле?

– Да. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Только то, что я сказал вам вчера. В свое время я был знаком с этим человеком. Правда, только визуально. Он работал у Владимира Казимировича Бжезинского, в то время довольно известного московского бизнесмена. Господин Бжезинский возглавлял совместное российско-польско-американское предприятие.

– Вам известно, где сейчас находится этот господин Бжезинский?

– Да, известно. На Котляковском кладбище в Москве. Бжезинский был застрелен осенью девяносто третьего... кажется, в сентябре. По всей видимости, это было заказное убийство. Впрочем, если я не ошибаюсь, дело так и не раскрыли. Да... позвольте взглянуть на записную книжку Орлова.

Следователь поджал губы и протянул Владимиру небольшой блокнотик с покоробившимися листами. Вода внесла губительный беспорядок в записи – она размывла и почти совершенно обесцветила буквы, но не настолько, чтобы невозможно было прочитать эти записи.

– Ваше имя обведено красными чернилами, – проговорил следователь. – Так что, как видите, нам не потребовалось долго гадать, что делал тут, в Поволжье, этот человек, прописанный в Москве.

– И что же?

– Вероятно, он намеревался встретиться с вами. А вышло наоборот: вы встретились с ним, да еще в такое неудобное время и в таком неудобном месте. Слишком много совпадений.

– Неужели это следует понимать как задержание? – сухо спросил Свиридов.

– Разумеется, нет. Но ведь вы утверждаете, что этот человек не знает вас?

– Я сказал, что я знаю его визуально. Что касается того, знает ли он меня, я не могу утверждать с полной определенностью. С большой долей вероятности – нет, он меня не знает.

– Вы, кажется, бывший офицер?

– Да. Армейский спецназ. Комиссован по ранению и вышел в отставку.

...Свиридов никогда и никому не говорил о своей былой принадлежности к Главному разведывательному управлению Генерального штаба и уж тем более – к спецотделу «Капелла», о существовании и целях создания которого было известно считанному числу людей. Распускать язык было чревато последствиями. Особенно если учитывать специфику

ку нынешней деятельности Владимира.

После того как Свиридов и Фокин вернулись на родину, в Саратов, в мае девяносто шестого года, перед ними остро встала проблема: кому они нужны после того, как весь мыслимый их потенциал был задействован на службу государству, а потом демобилизовали и попросту списали из спецслужб... Не выбросили ли их на свалку, как отработанный человеческий материал? Кому они нужны сейчас?

Первое потрясение ожидало Свиридова уже сразу по возвращении. Он без труда нашел квартиру родных, но, когда он сообщил открывшему ему дверь долговязому парню лет двадцати, от которого к тому же за километр разило бормотушным перегаром, что, дескать, он, Владимир, является его родным братом, – тот решил, что кого-то из них посетил жестокий приступ белой горячки.

Выяснилось, что у Ильи – так звали родного брата Свиридова – имеется официальное уведомление, присланное непосредственно соответствующей инстанцией ГРУ Генерального штаба, что курсант такой-то военной академии Свиридов Владимир Антонович погиб в Афганистане 30 июля 1988 года при выполнении боевого задания.

То есть почти восемь лет тому назад.

Оказывается, именно таким замечательным образом кураторы «Капеллы» вычеркивали суперкиллеров из списка живых. Одно то, что Владимиру удалось это обнаружить, могло во времена Брежнева и Андропова считаться чудом.

Впрочем, хватка спецслужб давно была уже не та... К тому же у них появилось много куда более важных и животрепещущих проблем, чем отслеживать и в перспективе ликвидировать своих бывших элитных работников. Или «музыкантов», как именовал офицеров «Капеллы» их шеф – полковник ГРУ Платонов.

Свиридов попросил Илью показать этот замечательный документ, а потом горько рассмеялся и порвал на маленькие клочки злокозненную бумажку.

Ко времени возвращения Владимира из семьи Свиридовых в живых остался только брат: мать и бабка умерли, а отец, Антон Сергеевич, был убит еще в восемьдесят втором все в том же Афгане.

На следующий день Илья и Владимир отправились в ресторан «Менестрель», одно из наиболее приличных заведений города. Приличное даже на фоне московских «зубров жанра», то бишь тех ночных клубов, в которых так любил проводить время Владимир – еще с того памятного девяносто третьего года.

С момента посещения «Менестреля» и пошел отсчет деятельности Владимира на вновь обретенной им «малой родине».

К сожалению, эта деятельность мало отличалась от «капелловской» кровавой зачистки человеческих душ.

...Свиридовы влипли в банальную драку, в которой, с одной стороны, были Илья и Владимир (пара сопровождавших

их девушек, естественно, не в счет), а с другой – едва ли не десяток максимально озлобленных и вооруженных парней, которые, как выяснилось несколько позже, принадлежали к откровенно бандитской группировке, возглавляемой знаменитым Валерием Марковым по прозвищу Китобой.

Итог столкновения угадать было не так уж сложно. Как сказал комментатор в выпуске новостей, сообщая о драке двух автолюбителей с Майком Тайсоном, нетрудно понять, кто взял верх. Команду Китобоя в полном составе транспортировали в больницы со всеми видами травм и степеней их тяжести. Все-таки недаром полковник Платонов считал, что один офицер его отдела стоит десяти крупногабаритных бугаев.

А лучшим бойцом «Капеллы» шеф не без оснований считал Свиридова.

...Илья, которому первым же ударом разбили нос и врезали в солнечное сплетение, отполз в угол и в дальнейшем только наблюдал, как его брат учил парней Китобоя манерам, приличествующим истинному джентльмену. А когда бедняги бандиты закончились и их место заняли сначала двое парней из охраны «Менестреля», а потом и наряд милиции, прибывший на шум, как водится, с получасовым опозданием, то началось главное веселье.

Разгорячившийся и уже изрядно пьяный Свиридов не оценил того, что подбежавший страж порядка дружелюбно вытянул его резиновой дубинкой. В следующую секунду

ду незадачливый мент полетел в один угол, его напарник – в противоположный, а третьего, самого решительного и даже успевшего вытащить табельный пистолет, чтобы прищучить разошедшегося правонарушителя, Владимир прямым ударом левой ноги отправил попросту в глубокий нокдаун.

Конечно, образ мышления капитана спецназа вполне понятен: как несколько жалких бандитов осмелились оскорбить его, элитного офицера ГРУ, который смотрел в лицо смерти уже тогда, когда эта бритоголовая помесь дворняжки и сбежавшего из зоопарка злобного гиббона только еще трусливо шарила по подворотням, выдирая авоськи у старушек и в профилактических целях пиная ногами переусердствовавших с сивухой алкашей! А тут еще и мусора тянут свои привычные к протоколам руки, чтобы добраться до него, Владимира Свиридова, которого миновали пули Афгана, который полз по пышущей жаром дороге из Кандагара и цеплялся коченеющими пальцами за уступы дымящихся кровью гор Кавказа, который смотрел на черные провалы окон горящего Белого дома, ел подметки собственных ботинок в заваленном бункере в Ливане и прыгал с мчащегося под откос с ужающей скоростью поезда.

И эти юнцы, если что и видевшие, так только глупую муштру в школе МВД, что-то пытаются сделать с ним!

...Вне всяких сомнений, он был пьян и не прав. И когда его все-таки задержали общими усилиями охраны ресторана и милиции, а потом посадили в камеру предварительного

задержания, он горько задумался над тем, как порой прихотливо и попросту смехотворно складывается судьба: пройти в буквальном смысле через ад, взять на себя перед богом грех за сотни убийств – и сесть в тюрьму за нанесение средней тяжести телесных повреждений и оказание сопротивления представителям правоохранительных органов при исполнении.

Но его жизненному пути не суждено было – хотя бы временно – заглохнуть на такой нелепой фарсовой ноте. Вскоре его освободили.

Но цена, которую он за это заплатил, была непомерно высокой.

Кто бы мог подумать, что его освободят по ходатайству того самого Валерия Маркова, с чьими ребятами он так ловко разобрался в кафе. Но вовсе не для того, чтобы устроить самосуд и благополучно спровадить его на тот свет.

Марков, воевавший когда-то в Афганистане, будучи бойцом армейского спецназа, при личной встрече с Владимиром выразил даже восхищение его умелыми действиями.

– Школа, брат Володя. – Марков, рослый, статный мужик лет тридцати пяти, тяжело хлопнул его по плечу сильной руки и ухмыльнулся во все широкое, массивное приветливое лицо. Бандита Валерий Леонидович напоминал чрезвычайно мало и по внешности, и по манерам, и по выговору. – Школа сразу видна. Спецназ?

– Спецназ, – сквозь зубы ответил Свиридов.

– В Чечне был?

– И в Чечне тоже. Я много где был.

– Что, и в Афгане был? – поинтересовался Марков. И, увидев утвердительный кивок Владимира, удовлетворенно воскликнул: – Ну, тогда ты прям совсем родной. За что ж ты так моих дуболомов-то отрихтовал? Да и мусоров пощелкал не слабо. У них там есть такой милый лейтенант Петров, он накануне отбил почки одному шестаку так, что тот двинул кони на следующий день... Так вот, после тебя его отправили в больницу примерно с тем же диагнозом. Разрыв почки.

– За плохие манеры тоже иногда надо отвечать, – угрюмо ответил Свиридов. – А если хочешь узнать подробности, спроси у самих, как ты выразился, дуболомов.

– Да мне с ними неинтересно разговаривать, я наперед знаю, что они там лепетать будут. А вот с тобой поговорить интересно. – Китобой посмотрел на Владимира тяжелым испытывающим взглядом и, помассировав пальцами виски, медленно, чеканя каждое слово, проговорил: – Ты серьезно влип, Владимир. Скажем, я смогу тебя отмазать, но в наше время ничего не делается даром. Услуга за услугу.

– Мне в самом деле нет никакого интереса протирать нары, – незамедлительно отозвался Свиридов. – Не мое это. Что же ты хочешь от меня?

Марков хотел совсем немного...

А именно – убрать одного замечательного государственного деятеля, совмещающего работу в городской мэрии и ак-

тивный, но и весьма сомнительный, а порой попросту противозаконный, криминальный бизнес. До недавних пор он, покровительствуя Маркову, прикрывал его группировку в верхах, а теперь на волне предвыборной кампании решил реализовать кое-какие свои амбиции. В этом плане союз с откровенным криминалитетом был ему невыгоден, и этот господин – с милой и дружелюбной фамилией Веселов – решил избавиться от недавних партнеров.

Потеряв ряд позиций и двоих ближайших своих помощников, не говоря уж о мелочи, Китобой догадался, кто стоит за всем этим, и решил начать ответные военные действия, но два последовавших одно за другим покушения на ренегата провалились.

Именно в этот момент под руку подвернулся явно не дилетант в науке убивать – Владимир Свиридов.

Вот какова была теперь плата за его свободу...

Свиридов честно расплатился по представленным ему счетам. Очевидно, наука убивать оказалась для Владимира не профессией, а призванием, потому что он вынужден был использовать свое мастерство даже тогда, когда вовсе не желал этого.

Впрочем, когда это интересовались его мнением?..

После этого случая Свиридова вновь развернуло к старой профессии.

Он остался киллером. Просто от работы на государство он перешел на работу к новым хозяевам этой жизни.

Глава 2

Кот Базилио и лиса Алиса

– Этот следак сказал, что Орлов приехал в наш город для того, чтобы повидать меня. По всему выходит, что я ему за чем-то дико понадобился, несмотря на то что он меня лично не знает. Вероятно, существует кто-то, кому совсем бы не хотелось, чтобы его разговор со мной состоялся.

Фокин, все еще бледно-зеленый с перепоя, только кивал головой в ответ на умозаключения Свиридова.

По словам Афанасия, кто-то заключил с ним пари на то, что он не сумеет взять со стройки пачку кирпичей (пачка – это шестьсот шестьдесят шесть штук). Кирпичи находились на четвертом этаже, и снять оттуда пачку кирпичей без необходимой техники представлялось делом чрезвычайно трудоемким и хлопотным.

Вот Афанасий и доказал, что это все вовсе не так и что существуют обходные пути в деле загрузки и отгрузки кирпича.

Все это звучало настолько нелепо, бессмысленно и сопровождалось таким апокалиптическим утробным иканием, что Свиридов плюнул с досады и отправился на кухню – принести стакан воды. Чтобы незадачливый отец Велимир, значится, перестал икать.

Владимир вернулся через минуту. В одной его руке был искомый стакан с водой, а во второй он держал радиотелефон.

– Ну да ладно, – проговорил Владимир довольно спокойно, – думаю, я разберусь в этом эксцессе и без твоего участия, Афоня.

Фокин одним махом залил содержимое стакана в свою широченную пасть, а Свиридов набрал номер и, услышав, что в трубке прозвучал сочный мужской голос, проговорил:

– Валера? Это я. Дело в следующем...

* * *

...Валерий Леонидович Марков, в соответствующих кругах известный под внушительным именем Китобой, раздраженно потер трехдневную щетину, которая так нравилась его многочисленным подружкам, и посмотрел на высокого плотного парня с широченными тяжелыми плечами, массивными щеками и небольшими мутными глазами, скрытыми за очками с тонированными стеклами. Благодаря этим очкам, которые этот здоровяк никогда не снимал, потому как был изрядно подслеповат, босс прозвал его Котом Базилио, и это прозвище, с легкой руки Маркова, подхватили все члены криминального сообщества – большие и малые. Многие даже не знали, что Кота Базилио зовут Сергеем Грязновым, а вовсе не Базилом или просто Васей, как сокращенно от погоняла

титуловали его многие.

– Ну что, Базиль, – хмуро проговорил Китобой, – опять сел в лужу?

– Что ты имеешь в виду, Леонидыч? – осторожно спросил тот.

– Ты был вчера в «Морском коньке» со своими имбецилами?

По всей видимости, слово «имбецил» не входило в лексикон Кота Базилио, потому что он заморгал и, сняв очки, начал нервно протирать их.

– С кем? – наконец переспросил он.

– С такими же уродами, как ты, – мрачно проговорил Китобой. – Да будет тебе известно, Вася, что существует такое показательное на твоём примере понятие, как олигофрения – умственная недоразвитость с рождения. И ее три стадии – дебильность, имбецильность и самая тяжелая – идиотия. Я думал, ты находишься в стадии имбецильности, но теперь полагаю, что ошибся. Ты просто идиот.

– Но при чем тут «Морской конек»?

– «Морской конек» тут в самом деле ни при чем. А при чем тут только два человека, которые тридцать лет тому назад сделали возмутительную ошибку, не воспользовавшись средствами контрацепции. Твои родители, Базилио.

– Но я типа ничего такого, чтобы...

Китобой поднялся во весь свой внушительный рост и, бесцеремонно обрывая своего телохранителя, буквально рявк-

нул:

– Я же сказал, чтобы вы не провоцировали Фокина на разные фокусы!

– К-какого Фокина?

– Святого! Того здорового парня, который вчера рассекал в рясе.

– А-а-а... теперь я понимаю, в чем дело. Так он сам виноват, этот козе... мужик. Он че-то там рамсовал с Вальком и Косым. Я не знаю. А что такое... кто такой этот парень? Он говорил, что он типа в церкви... в натуре так, что ли?

– К этому парню я тебе не советую приближаться и на километр. Ваше счастье, уроды.

– Да кто он?

– Знакомый другого моего знакомого. Робина.

– Робина? Вот этого самого, который... который подчищает... – На лбу Базиля появились крупные капли пота, по всему лицу проступили бледно-серые пятна, свидетельствующие о том страхе, которое вызвало такое короткое, как контрольный выстрел в голову, имя – Робин.

– Да, который стоит вас всех вместе взятых, корявых козлодоев, – отповедал Китобой.

– Но, надеюсь, он на нас... не в претензии? – осторожно поинтересовался Базилио.

– Надейся. В общем, так: приведи сюда идиота, который кидал понты перед Фокиным. Я посмотрю в его честные глазки...

Вечером того же дня Базилио, встревоженный и злой, сидел в своем излюбленном «Морском коньке» и мрачно пил текилу, которую он ненавидел всеми фибрами своей живущей по понятиям души. Текила традиционно вызывала у него тошноту, но сегодня он нарочно пичкал себя этим забурным пойлом, вперив угрюмый взгляд прямо перед собой, в матово отливающую поверхность стола.

В самом деле, ему было о чем задуматься. Давно он не видел своего спокойного и выдержанного босса таким рассерженным и взъерошенным. И было бы из-за чего – всего лишь из-за того, что какой-то в умат пьяный поп полез на стройку, а там благополучно свалился в канаву строительного происхождения и едва не утонул.

Но то, что он нашел в этой канаве... Как будто в городе больше нет канав для того, чтобы в них благополучно падать!

Такое хитросплетение обстоятельств... нет, решительно на этом можно свихнуться. Да и Китобой, который сначала отдает приказание, потом его рассматривает! И еще всех и вся матерно ругает за выполнение этого распоряжения!

Кто такой этот поп?

Китобой сказал максимально ясно: друг Робина. Об этом Робине Базиль слышал не так много, но и того, что он слышал, вполне хватало для того, чтобы сегодня вечером вот

так, сдавленно вздыхая, нажираться текилой, а не раздавить пару шампусика с какой-нибудь отпадной клавиой и отвалиться с ней в номер на второй этаж.

О человеке по имени Робин ходили легенды. Никто толком не знал, кто он, никто не видел его, но тем не менее многие уже успели ощутить на себе виртуозность его работы. Ощутить в первый и последний раз.

Потому что Робин был козырной картой Валерия Маркова по прозвищу Китобой. Маркова, который уже вполне легально владел четвертью или даже третью города. Маркова, чьи враги и конкуренты из Саратова, Самары, Волгограда, Ульяновска – можно сказать, почти из всего Среднего и Нижнего Поволжья умирали и исчезали, как по взмаху волшебного жезла, а потом профессионалы из угрозыска, ОБНОНа и ФСБ просто разводили руками: как говорится, на нет и суда нет.

Говорили, что этот самый Робин связан со спецслужбами и до сих пор имеет карт-бланш на отстрел криминальных авторитетов Поволжского региона в рамках программы государственного контроля легального криминального бизнеса.

Утверждали, что этому человеку нет равных в искусстве убивать. Базиль до сих пор прекрасно помнил, как одного из злейших недругов Китобоя, бензинового короля Сафонова, нашли мертвым в его коттедже, охраняемом не хуже резиденции главы иного государства. По данным баллистической экспертизы выяснили, что крупнокалиберная пуля проши-

ла десятимиллиметровое бронестекло мансарды, на которой находился хозяин дома, и попала в голову бизнесмена, будучи уже на излете, и что стреляли со склона горы почти в полтора километрах от дома Сафонова.

Гора была тщательно обшарена, и гипотеза подтвердилась: в одном из овражков, исполосовавших склоны, был найден футляр от скрипки, а в нем – редкий образчик стрелкового оружия, состоящего на вооружении у элитных частей российского спецназа: снайперская винтовка «В-94» калибра 12,7 мм с инфракрасным прицелом.

Увидев этот агрегат больше чем полутораметровой длины, один из экспертов-криминалистов схватился за голову и сказал, что работал специалист, с большой степенью вероятности имеющий выходы на российские спецслужбы.

– Неудивительно, что голову этого несчастного Сафонова собирали буквально по кусочкам, – проговорил он. – Еще бы... засадить в него бронебойную пулю, хотя и с расстояния в полтора километра и среди ночи... Н-да-а-а, есть, как говорится, снайперы в русских селеньях! И джип на ходу оставит, и в череп легко попадет! Н-да-а-а...

...Базиль мрачно покачал головой: его дальнейшие жизненные перспективы представлялись ему довольно-таки туманными. Не только потому, что Китобой, кажется, взбучился довольно серьезно (из-за такой ерунды, господи!), но и из-за этого самого Робина, чтоб его... Ну кто знает, что взбредет в голову этому так называемому суперкиллеру, мать его!

Вася вспомнил, как совсем недавно Марков, будучи изрядно подшофе, разглагольствовал о покойном Солонике, которого многие титуловали российским киллером номер один:

– Ну какой он, на хер, номер один! Какой-то курганский мент, который возомнил себя крутым, взял ствол и ну палить во всех подряд! Конечно, курганские были людьми очень серьезными, кто спорит, но где сейчас эти серьезные люди? В основном там же, где и их суперкиллер, – то есть в гробу! Да и откуда ему быть суперкиллером? Откуда он знает секреты по-настоящему серьезных ведомств, где обучали спецов экстра-класса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.